

Платьяна Алюшина

Формула
моей любви

Еще раз про любовь

Татьяна Алюшина
Формула моей любви

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Алюшина Т. А.

Формула моей любви / Т. А. Алюшина — «Эксмо»,
2019 — (Еще раз про любовь)

ISBN 978-5-04-103544-0

Марк - гениальный математик, но у него очень тяжелый характер. Единственная девушка, которая может к нему приспособиться, с которой у них полное духовное единение, это Клава. Но Марк выдвигает неожиданные условия - мы будем только друзьями, на большее не рассчитывай. И вот проходит десять лет...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-103544-0

© Алюшина Т. А., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая	18
Часть третья	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Татьяна Алюшина

Формула моей жизни

*Выражаю глубокую благодарность за оказанную помощь при написании данной книги кандидату физико-математических наук
Беляеву Владимиру Валентиновичу*

Часть первая

Смартфон на столе, вибрируя, глухо гудел низким однотонным звуком и всё пиликал и пиликал незатейливой мелодийкой вызова с то затухающей, то нарастающей вновь громкостью звука, настойчиво требуя от абонента немедленно откликнуться на призыв, а Клава смотрела и смотрела на снимок на экране, по которому бегала снизу вверх стрелочка, указывая особо забывчивым пользователям, как именно необходимо провести пальцем, чтобы ответить наконец на затянувшийся вызов.

Вот так – вжик по экранчику легонечко – и «алло?», и все, вы разговариваете.

Хорошо же. Легко и просто. Давай, ответь!

Этот снимок Клавдия сделала в пригороде Берна, полтора года назад. Только-только начиналась весна, пока еще робко, но уже настойчиво заявляя о своем приходе. Деревья казались сказочными в кружевных воздушных кронах, из почек пробивалась юная поросль, и воздух был совершенно особенным, каким-то сказочным и вкусным, обещающим что-то непременно интересное, радостное и захватывающее впереди. И даже вода в озере, на берегу которого они сидели, казалась веселой, будто ожидала того самого обещанного прекрасного будущего, рассылая вокруг солнечные блики.

Они тогда с Марком забрались на пригорок, подальше от цивильного променада вдоль речки, от курсирующих по нему людей, поспешивших выбраться на прогулки и пробежки на пригревшее, пока еще редкое, робкое солнышко и нашли это замечательное панорамное местечко, недалеко от стен старинного замка с потрясающим видом. Долго привычно молчали, сидя на сложенном в несколько слоев пледе, который Клавдия предусмотрительно прихватила с собой из гостиничного номера.

Наверняка администрация гостиницы возразила бы против такого использования их имущества, о чем и оповещала в памятке со сводом правил проживания, которую вручали постояльцам при заселении лично в руки.

Но Клава подбадривала себя рассуждениями о том, что, во-первых, у нее возникла такая необходимость, а во-вторых, что за те сумасшедшие деньги, которые тут дерут с постояльцев, можно этими пледами обвешаться с ног до головы в несколько слоев и с чистой совестью из этой гостиницы вынести все, вплоть до старинной, чугунной лоханки на толстых львиных лапах, стоявшей посреди огромной, полупустой, гулкой и холодной ванной комнаты.

Но с лоханкой-то бог бы – пусть себе стоит, где стояла, а вот без пледа никак нельзя – Клавдия точно знала, что они будут долго бродить и обязательно где-нибудь присядут полюбоваться видом, помолчать в созерцательном спокойствии, а поскольку они оба для такой цели предпочитают места уединенные, желательно без людей и шума-суеты, то вряд ли устроятся на скамейке или за столиком в кафе, а земля пока еще совсем холодная. Так что плед в пакетике с собой и, по большому счету, по фиг, что там думает администрация по данному вопросу и чем будет недовольна, если обнаружит временную пропажу имущества.

А потом она сфотографировала Марка, таким он показался ей поразительным на фоне старой стены готического замка, озера и молодой поросли на дереве, попавшей краешком своей кружевной кроны в кадр.

Солнце как-то так по-особому осветило и легло на его лицо, что подчеркнуло, высветило сдержанную мужественность и этот необыкновенный, отстраненный от реальности, погруженный в себя взгляд насыщенно темно-серых глаз, передавая саму суть характера и натуры этого мужчины. Он не заметил, что она его фотографирует, как обычно мало что замечая вокруг, когда его захватывала мысль, идея, озарение, в которые он погружался.

Стрелка все бежала и бежала вверх от волевого, упрямого подбородка, через сжатые губы к чуть прищуренным глазам, аппарат гудел от вибрации, а мелодийка, останавливаясь на мгновения, с новой силой нетерпеливо набирала громкость, словно попрекала нерадивого абонента за то, что тот не берет трубку.

Клавдия прекрасно знала, что он будет звонить и звонить, пока не добьется ответа, – упорно, целенаправленно и спокойно. Когда сотовый оператор любезно сообщит, что абонент не отвечает, прервав бесполезный вызов, Марк тут же наберет ее номер заново, а потом еще раз и еще раз и будет набирать, пока она все-таки не ответит. Клавдия резко выдохнула, взяла со стола смартфон и решительно провела пальцем вверх, следом за указующей стрелкой.

– Да, – ответила-таки она.

– Привет, – пробурчал Марк в своей привычной полузадумчивой манере и сразу же перешел к делу: – Я взял тебе билет на вечерний рейс сегодня. Сейчас скину на твою почту.

– Я не могу прилететь, Марк, – изо всех сил стараясь четко произносить слова ровным, спокойным и нейтральным тоном, сообщила она о своем решении.

Он непродолжительно помолчал, и Клава слышала, как он дышит в трубку.

– Почему? – спросил он тем своим особым тоном любопытствующего ученого, столкнувшегося с неожиданным неизвестным явлением, которым обычно задавал вопросы, когда чего-то не понимал.

– Так сложились обстоятельства, – помня про спокойствие и нейтральность, сдержанно произнесла Клава.

Он снова помолчал и задал следующий вопрос.

– Что-то случилось? – И перечислил возможные, с его точки зрения, происшествия, которые могли бы оправдать ее отказ приехать: – Ты заболела? Какой-то несчастный случай произошел? Или что-то с родными?

– Нет, – уверила Клава и повторила твердым голосом: – Так сложились обстоятельства, что я не могу прилететь к тебе, Марк.

Он снова молчал и сопел в трубку, а у Клавдии перехватило дыхание.

– Да, – нейтральным голосом произнес он. – Я понял. До свидания.

И разговор прервался.

Клавдия наконец глубоко вдохнула, с силой втянув в себя воздух до предела так, что даже немного закружилась голова, задержала дыхание на несколько секунд и длинно, протяжно-долго выдохнула.

Вот так. Вот так. Она это произнесла. И назад пути нет.

И осторожно, словно он состоял из наитончайшего хрупкого стекла, она медленно положила смартфон на стол и долго смотрела на черный прямоугольник экрана.

Первый раз она отказалась к нему приехать.

Первый раз.

А там, далеко, через города, реденькие рощицы и матерые леса, реки и речушки, через горы и равнины, холмы, пригорки, через деревушки, поселки, дороги и лоскуты садов-огородов, на другом конце света Марк Светлов таким же долгим взглядом смотрел на черный экран своего смартфона и думал о том, что вот оно и случилось.

Он всегда знал, что когда-нибудь настанет такой момент, когда она уйдет из его жизни в свою, обособленную от него вселенную.

Вот развернется и уйдет.

Нет, разумеется, он останется в ее жизни – не умрет же он на самом-то деле от этого ее ухода, – но никогда не будет так, как прежде.

И сразу все изменится – они останутся вроде бы друзьями и иногда, наверняка, даже будут случайно встречаться на каких-нибудь мероприятиях и праздниках. И станут дежурно интересоваться у родных и близких делами и успехами друг друга, но так, между прочим, как обычно вспоминают в разговоре о каком-то родственнике воспитанные люди, расспрашивают, делая заинтересованное лицо, и вежливо, терпеливо выслушивают расширенный ответ любящей родни о его достижениях и жизни.

И она будет жить дальше без всякого его участия и устроит новую жизнь с каким-нибудь Васей или Петей, или этим своим, как его там зовут, или того пуще Эдуардом каким и, наверняка, наладит ее как-нибудь приемлемо-счастливо, эту свою новую жизнь.

Да, Марк знал, что когда-нибудь так и произойдет, но он был не готов к тому, что это случится прямо сейчас, так скоро и вот так, в один момент... и что ему от этого станет невозможно дышать и совершенно не понятно, как жить в новом, изменившемся пространстве.

Впрочем, это не имело значения. Он вернется в Москву, выяснит, что там у нее случилось за обстоятельства такие, систематизирует факты, разложит все в логическую цепочку и пойдет дальше жить и работать.

Без нее. Как-нибудь, как-нибудь....

– Клавдия! – крайне раздраженным тоном призвала ее к вниманию дама. – Вы совершенно меня не слушаете! Это недопустимо!

– Да-да, – поспешила повиниться Клава. – извините, Эльвира Станиславовна, я невольно задумалась.

– О чём, господи боже мой, вы могли там задуматься, когда я говорю? – откровенно негодуя, удивилась мадам.

В самый разгар воспоминаний, в которые она с удовольствием погрузилась, такая непозволительная ситуация – оказывается, ее бесценные откровения о прошлой жизни без зазрения совести игнорируются.

Клава разрешила себе полутяжкий вздох, который можно было трактовать как угодно – как покаянное извинение и как согласие с дамой – действительно, о чем там вообще можно думать, когда тут излагают нетленку?

Как же ее достала эта бабулька!

Нет, по-своему она, безусловно, грандиозная тетка и молодчина в каком-то смысле. Да, во многих смыслах, молодчина, если честно!

Так «построила» всю родню, что та исполняет каждую ее прихоть с немалым усердием и фантазией, лишь бы не гневить маман, а то....

Ух, что будет «а то»!

Как уже успела понять Клава, хватка у восьмидесятивосьмилетней бабульки железная – акулья, и про свою выгоду и счастливую обеспеченную жизнь она все замечательно понимала еще с младенческого нежного возраста, когда впервые освоила счет до десяти.

Впрочем, понимала Клавдия не только это.

Где-то три года назад, увлеченная некой творческой идеей, родившейся в результате общения с одним совершенно невероятным человеком, поразительной мощной личностью, Клавдия, не представляя последствий, долгим нытьем и увещеваниями уговорила его написать книгу своих воспоминаний.

Вернее, как написать – он наговаривает на диктофон или непосредственно ей свои воспоминания и передает имеющиеся у него документы, а Клавдия подтверждает их подлинность в архивах и соответствующих учреждениях и оформляет весь этот объем данных в книгу мемуаров.

Она настолько увлеклась и погрузилась в это дело и настолько подпала под обаяние и масштаб личности этого человека, что и не заметила, как они завершили работу, и книга вышла в продажу. И сразу же стала наикрутейшим бестселлером и побила все рекорды продаж, на долгие месяцы заняв первые места в рейтинге самых читаемых и популярных книг.

Клавдия тогда, помнится, грустила ужасно, что закончилась такая увлекательная, грандиозная работа, и откровенно недоумевала, за что ее безмерно хвалит родное издательство.

А потом тот замечательный человек протезировал ей одного своего друга, не менее интересную и значимую личность, предложив написать и его мемуары. Клава поканючила, отнекиваясь – вообще-то это не ее профиль, она ответственный редактор, а это совсем иная работа, а за мемуары она взялась исключительно из любви и преклонения перед столь неординарным человеком, но после знакомства со вторым предполагаемым мемуаристом загорелась интересом к новой работе.

Нет, ну на самом деле, человек потрясающий, мирового масштаба личность, поразительной духовной мощи.

И она снова настолько увлеклась работой, творчеством, подпав под обаяние этой личности, что и в этот раз не заметила, как получился у них и вышел в свет очередной бестселлер, продававшийся, как горячие пирожки в мороз.

В общем к работе ответственного редактора Клавдия не вернулась до сих пор, а занимается своеобразной литературной деятельностью, которая именуется в издательстве как-то даже несколько уничижительно – «литературный записчик», видимо, чтобы гордыня не чесалась, донимая.

Вообще-то Клавдии было глубоко по фиг, как там называется ее профессиональная деятельность, главное, что ей было необычайно интересно и увлекательно, и люди, с которыми приходилось сотрудничать, были личностями масштабными, оставившими в истории страны весомый след, и от общения с ними она обогащалась.

А если учесть, что специалистом Клава была дотошным и проводила долгие часы в архивах и спецхранах, к которым имела допуск, и встречаться приходилось по ходу работы со многими не менее интересными и известными личностями, чтобы проверить слова ее автора и подкрепить их аргументами и воспоминаниями очевидцев и участников описываемых событий, то и познания и опыт она приобретала уникальный, что и говорить.

Материала выше головы, и порой Клавдия раскапывала среди груды старых дел такие документы и факты, от которых приходила в настоящее потрясение, и для нее история страны и людей тех прошлых эпох открывалась с неожиданной стороны, становясь многослойной и увлекательной, как наикрутейший голливудский боевик.

Так, это она отвлеклась, напоминая себе в очередной раз, как она вообще сюда попала и почему «вляпалась» в эту работу с престарелой мемуаристкой, отягощенной манией величия.

Под литературной редакцией Клавдии вышло уже три книги мемуаров, и все они имели колоссальный успех и бесконечные дополнительные тиражи и продолжали бить рекорды популярности – ну, такие вот у этих мемуаров герои и их автобиографии, мирового уровня фигуры и люди потрясающие. Что имело для Клавдии неожиданные последствия в виде обрушившейся на нее странной известности и своеобразной востребованности.

А именно: вдруг высшее, так сказать, общество страны загорелось новой свежей идеей – непременно оставить о себе и своей распрекрасной жизни литературную нетленку на века. И непременно в обработке записчицы Клавдии Невской, одно участие которой, по слухам среди бомонда, гарантирует бешеный успех ТВОЕГО художественно-литературного произведения.

И понес-лось!

Руководство напирало – возьми этого мемуариста или этого, они такие бабки платят... и закатывало глаза, делясь неизгладимым впечатлением от названных сумм с красивыми идеальными овалчиками нулей после числа. Да и сами кандидаты в великие писатели современности осаждали ее лично и засылали для бесед своих представителей, секретарей и адвокатов.

Клавдия выдвинула руководству издательства жесткие условия своего сотрудничества с будущими авторами откровений о себе великом.

– Работать буду только с теми заказчиками, которых выберу сама, которые мне будут интересны, как личности, и их истории жизни меня по-настоящему захватят. – И тяжело вздохнула, откровенно пожаловавшись: – А иначе ничего не получится. Вот не получится, и всё, я уже пробовала.

Начальством Бог ее не обидел – радивое и умное досталось, повезло, и хоть о коммерческой выгоде оно помнило и заботилось неукоснительно твердо и с большой нежностью, присущей каждому достойному предпринимателю, но и о творческой составляющей не забывало, тем паче что это было основной составляющей этого самого бизнеса – творческая-то.

И Клавдии дали полный карт-бланш – выбирай кого хочешь и делай с ним, что хочешь, только работай, желательно с постоянным и устойчивым успехом.

Она и работала.

И вот тут к ней обратился один из мемуаристов, с которым они сделали и выпустили предыдущую книгу, и попросил встретиться с его другом и выслушать его предложение.

Другом оказался сынок известного писателя, сам в общем-то далеко не последняя личность в стране и тоже достаточно известный человек, который и принялся уговаривать Клавдию взяться за работу с его мамой.

И знаете, уговорил.

С одним жестким условием, выдвинутым Клавдией, – если она не сможет установить и наладить между ними необходимый контакт и доверительную атмосферу, если не пойдет совместная работа, то она откажется.

– Да-да! – тут же согласился писательский сын и признался, видимо привычно жалея самого себя: – Мама, как бы это сказать, человек трудный, своеобразный, капризный и требовательный, с ней непросто наладить отношения. То есть мало кому удастся их наладить вообще. Но она прожила очень интересную, насыщенную, наполненную событиями жизнь и всегда в окружении самых известных и выдающихся личностей страны и мира. Её любили и ей поклонялись великие мужчины. Ей есть о чем рассказать.

– Это она захотела написать историю своей жизни или это ваша идея? – уточнила расклад Клавдия.

– Да какая уж тут моя! – безнадежно махнул он рукой, поддержав признание тяжким вздохом: – Маме если что в голову взбредет, она всех уморит, но своего добьется. Вот наслушалась историй о вас, прочитала все мемуары, что вы редактировали, вызвала меня к себе и поставила перед фактом: хочу.

– Витольд Юрьевич, – осторожно, но твердо напомнила Клавдия, – основным условием моей работы является полный доверительный контакт с автором и наша совместная расположенность друг к другу. Иначе ничего не получится, и мне придется отказаться от этой работы.

– Да знаю я, знаю, меня предупредили, – тяжело вздохнул он и улыбнулся довольным: – Но, если у вас не получится наладить этот самый контакт, то отказывать ей будете вы, а не я.

Вообще-то бабка Клавдии нравилась. Вот ей-богу!

Она давала родне такую мотивацию, что один этот факт вызывал невольное уважение к ней.

Разумеется бабулька держала их всех за причинные места жесткой хваткой своей сухонькой, но железной руки посредством накопленного ею за всю жизнь немалого добра, точнее,

способом его обустройства и раздачи по ее личному усмотрению и той самой пресловутой «вожже, попавшей под мантию».

То есть – что хочу, то ворочу, если кто плохо вальсирует и менуэты исполняет по моему требованию, то никого не неволю и не задерживаю – вперед, по направлению четко указующей длани бабушки Ленина на постаменте – к светлому будущему, строить его своими руками.

А остальные пляшем, пляшем, продолжаем, чего остановились!

Да, молодец, честное слово!

И плясали же, а куда деваться – квартиры, машины, усадьба, сбережения, ювелирка ого-го какая, кое-что тоже немаленькое в европейской надежной стране.

Так что – менуэт с подвывертом.

А бабка оттягивалась по всей программе, обезопасив себя со всех сторон от возможного возмущения любимых родственников, от вероятных криминальных попыток ее устранить или поместить в клинику для душевнобольных с дальнейшим признанием в недееспособности.

Обследование у всех возможных врачей каждые полгода, а то и чаще, регулярное посещение лучших санаторных курортов с прохождением курса укрепляющих процедур, продуманный до мелочей по всем медицинским рекомендациям распорядок дня с зарядкой, прогулками и безупречный рацион питания.

Родственники у Эльвиры Станиславовны вроде бы ребята неплохие и любят ее, но деньги вещь такая... они и с более стойкими товарищами творили всякие непотребства, а вдруг кто из родни решит, что наследство бабушки лучше, чем сама бабушка.

Поэтому, разумеется, проверенные десятилетиями юристы.

Как-то так.

Но старушке было скучно «на троне» в своей усадьбе в Переделкино и хотелось какого-нибудь драйва, движухи, как нынче принято это называть. А тут нате вам – мемуары известных людей, да еще такие популярные...

Вот так Клава тут и оказалась.

Ужас, а не бабка!

Уважение уважением и ирония иронией, но все это хорошо, пока касается родни барыни, а не тебя лично. Понятное дело, что бабка решила, что Клавдия – это обслуживающий ее прихоти персонал, и она имеет полное право обращаться с ней так, как ей заблагорассудится, и диктовать свои условия и правила общения. Она тут же попыталась подмять Клаву под каток своего напора, а когда сия процедура не прошла, сильно удивилась, но попыток задавить характером не оставила, периодически проверяя девушку на слабость.

Не будет дела, с тоской в который уже раз подумалось Клавдии, но отчего-то она до сих пор не рассталась со старушкой и продолжала вот уже третью неделю ездить в Переделкино и записывать за ней воспоминания о жизни.

Эльвира Станиславовна была классической, так называемой «писательской женой», с уклоном в провозглашенную большевиками свободу личности и свободу женщины, в частности, которая подразумевала теорию «стакана воды» в сексуальных отношениях между полами.

Так сказать, по стопам писателей двадцатых-тридцатых годов, когда в литературно-художественных кругах была провозглашена чуть ли не свободная любовь, и они еще те выкрутасы устраивали в отношениях друг с другом, путаясь в мужьях, женах и любовниках. Не все, понятное дело, но многие особо продвинутые в свободах.

Элечка же родилась в тридцать первом году в смешанной барско-пролетарской семье, как саркастически обзывала этот союз ее бабушка, мамина мама. Бабушка и мама, разумеется, были из так называемых «бывших», каким-то непонятным чудом уцелевших от репрессий. Бабушка обучала внучку трем языкам еще в младенчестве, этикету и правилам выживания женщины при любой власти и любых, даже самых невозможных обстоятельствах.

Папа, который представлял пролетарскую составляющую семьи, как бы скептически к нему ни относилась теща и как бы уничижительно о нем ни отзывалась, тем не менее прошагал по карьерной лестнице от простого работяги до директора завода. Правда, надо честно признать, не без помощи жены и тещи, обучавших его грамоте на дому и помогавших закончить заочное отделение института.

Элечка, заточенная бабушкой на красивую жизнь и вооруженная ею же приемами, как этой самой прекрасной жизни добиться и, главное, удержать в руках на должном уровне, в восемнадцать лет выпорхнула замуж за одного из самых известных в стране писателей, лауреата Сталинской премии, члена правления Союза писателей, старше ее на сорок лет.

В те времена такой марлезон с возрастными мужиками и девочками со школьной скамьи тоже имел место быть, правда в гора-а-аздо меньших масштабах, чем в современной действительности.

Впрочем, не об этом речь.

Но вскорости такая ужасная досада – буквально через пару лет совместной жизни муженек по каким-то неведомым ей причинам впал в немилость у власти.

Элечка неким врожденным чутьем на угрозу ее благополучию и возможную потерю обеспеченной славной жизни буквально за пару месяцев почувствовала грядущие неприятности и официально уведомила мужа, что жить с ним более не может, потому как полюбила другого мужчину и уходит к нему.

И свинтила с вещами к одному из своих любовников, по совместительству являвшемуся близким другом ее мужа и, что ни удивительно, тоже известного в стране писателя.

При этом, что характерно, предыдущий старый муж, побыв несколько лет в опале и отсидившись в какой-то непроходимой глуши, подальше от переменчивой любви сильных мира сего, чтобы позабыли, пока он на глаза не попадался, настроил там несколько новых произведений, вдохновленный природой и собственными переживаниями. И внезапно был призван новой властью, сменившей прежнюю, в столицу и вернулся практически триумфально – обласкан, вознесен. Ему вернули все прежние регалии, подтвердили заслуги, напечатали новые книги, написанные в изгнании, и его дружба с теперешним мужем Элечки продолжилась как ни в чем не бывало.

Эльвирочка, после водворения мэтра на прежний пьедестал и столь удачного завершения добровольной ссылки, была также переведена мужчинами в статус близкого друга бывшего мужа и его родной девочки. Иногда снисходила и баловала мастодонта отечественной литературы по старой памяти доступом к своему шикарному телу и сексуальным шалостям, не смущалась получать от него ежемесячно довольно приличные суммы и принимать дорогие подарки.

Но когда старик заболел и слег с безнадежным и тяжелым диагнозом, Эльвира забрала его к ним с мужем домой и до самой его смерти окружала искренней заботой и вниманием, нанимала самых лучших медиков и самых профессиональных сиделок, специальных поваров, которые готовили для него особую диетическую еду, и делала все, чтобы облегчить страдания бывшего мужа и устроить максимально достойную в его положении жизнь.

За что и получила после смерти старика все его добро и авторские права на все его произведения. От так. А родня маститого писателя, в том числе и его сыновья, отхватили от батюшки комбинацию из трех пальцев, именуемую в простонародье фигой. Повздыхали над гробом на общественной панихиде и исчезли из поля зрения Эльвиры на долгие годы.

Со вторым своим мужем Эльвира прожила всю жизнь, решив не скакать больше по замужествам, родила ему двоих сыновей, что не мешало ей не отказывать себе в легких интрижках, выбирая любовников исключительно из числа литературных деятелей, и не только отечественных.

Достойно похоронила мужа в семьдесят девятом году, замуж больше не выходила, но имела долгую близкую связь с одним весьма высокопоставленным партийным деятелем, которую они особо-то и не скрывали и о которой знали все – и его семья, и партийно-цеховское начальство в том числе, смотревшее на эти отношения сквозь пальцы. Во-первых, потому что у деятеля была больная жена, много лет прикованная к кровати, а во-вторых, Эльвира совершенно не претендовала на него в качестве мужа – он был нужен ей как любовник для поддержания себя в нужном тоне и форме и, разумеется, защитник, протектор ее детям и щедрый, настоящий друг. Достаточно.

Они выходили вместе в свет, выезжали в Европу, встречались с представителями мирового литературного сообщества, посещали концерты знаменитостей и знаковые театральные премьеры.

Считалось, что он курирует в ЦК культуру, а Эльвира в то время была чем-то вроде ведущего критика-специалиста по современной отечественной литературе и где-то даже официально числилась трудоустроенной в каком-то там Литературном институте.

Она всегда была в курсе всех жизненных перипетий, скандалов и историй, происходивших в культурном бомонде страны: художников, писателей, поэтов, певцов, режиссеров и актеров, умела слушать и выслушивать пьяные исповеди, умела вовремя помочь и подставить плечо, если решала, что это надо и уместно. Умела молчать как могила, когда это требовалось, и практически никогда не выдавала чужих секретов и блюла, как ярый католический священник, тайну чужой исповеди, и знала многие факты, всю подноготную истеблишмента и лично каждый скелет в каждом шкафу деятелей культуры страны.

Она была жесткой, расчетливой, совершенно невыносимой, высокомерной, эгоцентричной и самовлюбленной бабкой, эдакой барыней-самодуркой, но самое главное – ей все это нравилось. Вот она такая-разэтакая, вредная и трудная, держит в кулаке родню, строит их бесконечно, с удовольствием поигрывает в злую маман, лишаящую наследства заждавшихся ее ухода наследников.

– Ладно, рассказывайте, – приказала Эльвира Станиславовна Клавдии, снизойдя до проявления интереса. – Что у вас там такого случилось, что вы не можете нормально работать вот уже третий день к ряду? – И усмехнулась снисходительно, выдвинув предположение: – Я так понимаю: мужчина?

Клавдия мимикой подтвердила высказанное предположение.

– Запомните, деточка, – назидательно сказала Эльвира Станиславовна. – Никогда не позволяйте мужчине быть больше, чем вы сами, больше вашей жизни, ваших интересов, больше ваших потребностей и устремлений.

– Совет из разряда тех, которые дают, не спрашивая, нужен ли он, – смело парировала Клавдия, выказав характер и завуалированно напомнив старушке о манерах.

– И который, как я понимаю, сильно запоздал, – усмехнулась саркастически Эльвира Станиславовна, оценив укол Клавдии и не без удовольствия, в пику наглой девчонке, дав еще одно наставление: – Ну, что ж, пострадайте, это даже иногда полезно женщине: сменить, так сказать, амплуа, побыть в трагедийной роли. Только не увлекайтесь этим излишне и не затягивайте с переживаниями. Во-первых, потому что это отнимает силы, если позволяешь себе погрузиться слишком серьезно и глубоко в переживания и сожаления, а во-вторых, по устройству вашей сущности, Клавдия, вы совершенно не приспособлены на роль жертвы, к тому же она вам абсолютно не к лицу, – заметила Эльвира Станиславовна, не забыв напоследок подпустить в голос металла, напоминая о том, кто тут вообще-то главный и музыку заказывает: – И, наконец, в-третьих: ваши неуместные переживания мешают нашей работе, что не допустимо.

Побуравила Клавдию красноречивым, недовольным взглядом и, махнув рукой от бессилия перед обстоятельствами и девичьей глупостью, милостиво отпустила, не забыв поворчать:

– Идите домой. Никакой работы с вашими сердечными переживаниями сегодня не сладится, вы меня только раздражаете понапрасну.

– Да, – вздохнув, согласилась Клава, – вряд ли сегодня получится продуктивно поработать.

– Вот именно, – попрекнула ее еще разок хозяйка.

Клава заторопилась собираться, пока бабулька не передумала, затолкала быстренько ноутбук в портфель, закинула туда же листы с записями, ручки-карандаши и блокноты, перекинула размашистым движением через голову свою дамскую сумочку наискось на плечо и попрощалась:

– До свидания, Эльвира Станиславовна, я завтра позвоню.

Не дождавшись ответа, Клавдия заторопилась к выходу.

– Клавдия! – вдруг позвала Эльвира Станиславовна каким-то особым, чуть напряженным, задумчивым тоном.

И Клава замерла в дверном проеме, удивленная интонацией, столь не свойственной этой даме. И медленно повернулась лицом к величественной пожилой женщине, сидевшей в викторианском кресле с большой спинкой.

– Почему вы до сих пор не сбежали от меня, а продолжаете приезжать и работать? – Эльвира Станиславовна смотрела ей прямо в глаза таким внимательным взглядом, что Клава непроизвольно расправила плечи, приподняла подбородок и чуть задержала дыхание.

– Я ведь тяжелая, вздорная старуха, – усмехнулась женщина, позволившая себе вдруг приоткрыть истинное величие своей неординарной, мощной личности. – Извожу окружающих, не даю продохнуть родным. Мне вон и вас шпынять доставляет немалое удовольствие, и вы это знаете. Так почему?

Врать было нельзя. Никак нельзя. Иначе все оказалось бы напрасно – все Клавдино терпение, все ее мытарства последних недель с этой и на самом деле вздорной, невозможной старухой, и тогда ничего бы уже не получилось, не сложилось у них.

Она и не соврала, даже не пыталась.

– Бог знает, сама себе задаю этот вопрос по несколько раз в день, – попыталась пошутить Клава и все же ответила, как чувствовала, после долгих размышлений: – Наверное, потому что вы не бросили своего первого мужа, когда он слег умирать, и забрали к себе в дом из больницы, и помогли ему достойно уйти, окружив истинной заботой.

Помолчали, глядя друг другу в глаза, как два высококлассных бойца, сошедшихся для поединка, принявших стойку и отдававших друг другу дань глубокого уважения взглядами и поднятыми в приветственном жесте рапирами. Старшая усмехнулась:

– Это в вас от молодости говорит излишний бестолковый романтизм, – спрятала она за иронией свою истинную реакцию. – Это был чистой воды расчет. Вам же известно, что он оставил все свое нажитое добро мне, а его наследникам не досталось ничего.

Клавдия, показательно чуть склонив голову набок, состроила ироничное выражение лица и усмехнулась в ответ:

– К тому моменту, когда он слег, он уже обеспечил самым наилучшим образом сыновей и внуков, да и бывшую жену. А «благодарные родственники» всего лишь дважды навестили его в больнице. Так что, видится мне, что дуля им на основное наследство совершенно оправдана.

– Откуда вам известны такие подробности? – строгим, резким, нарочито недовольным тоном поинтересовалась старуха.

– Я очень хорошо умею собирать и перепроверять информацию и факты, а также работать со свидетелями и очевидцами, и это тоже прекрасно вам известно, – напомнила ей Клавдия не без доли злорадства.

– И что они говорят, эти ваши свидетели с очевидцами? – многозначительно хмыкнула Эльвира Станиславовна.

– То, что вам и хотелось, чтобы о вас говорили: что вы ужасная, вредная старуха, измывающаяся над родными и работающими на вас людьми, любящая себя до самозабвения и управляющая железной рукой своими капиталами и доходами, – перечислила Клавдия лишь часть негативных характеристик из тех, которые ей довелось выслушать в адрес ее мемуаристки.

– Хорошо! – искренне порадовалась мадам.

– Да ладно вам, – попеняла ей дружески Клава. – Это вы роль такую себе придумали и играете всю жизнь, маскируясь за ней настолько удачно, что никто до сих пор вас не раскусил.

– А вы, значит, такая умная и тонко разбирающаяся в людских натурах личность, что все про меня поняли? – заметила старуха, совершенно откровенно получая удовольствие от их пикировки, и засмеялась: – Запомните, Клава, люди, в массе своей настолько поглощены самими собой и своими драгоценными особами, что всегда предпочитают понимать вас так, как им удобно и проще всего.

– Совершенно верно, – согласилась Клава, – и вы этим людским свойством с удовольствием и пользовались, чтобы представлять себя в нужном вам свете. Актерствовали всю жизнь. Да и сейчас оттягиваетесь по полной программе, манипулируя общественным мнением. Это же безумно притягательно для любого рода биографов и любящих всякое «жареное» журналюг: не вот тебе верная жена, впахивающая с утра до вечера на гения, растворившаяся в нем, посвятившая всю свою жизнь ему и детям, а скандальная, раскованная, знающая себе цену женщина-рок, женщина-судьба, красавица, сводившая с ума самых гениальных мужчин и имевшая любовные связи с легендами российской культуры. Это же красота какая! Песня!

– Да, – капризно подтвердила все сказанное Эльвира Станиславовна, наигранно гордясь собой. – Я такая.

– Ага, – хмыкнула Клавдия, – только я знаю про одного невероятно талантливого, просто гениального мальчика из города Салехарда, которому вы купили и подарили квартиру в Москве, оставаясь анонимным благотворителем. И теперь он с родителями переехал в столицу и учится в спецшколе с физико-математическим уклоном и зачислен на подготовительные курсы при МГУ. А еще про одну замечательную девчущку вообще из седой глубинки, уникальную по своим физическим данным и тоже невероятно талантливую, для которой вы устроили переезд в Питер, и теперь она учится у Цискаридзе в Вагановском училище, а вы полностью содержите девочку и ее маму, оплачивая им съемную квартиру.

– Вы наглая девчонка, – отчитала ее старуха. – Это всего лишь удачное вложение капитала и не более. Дети вырастут, станут мировой элитой, известными и востребованными людьми и будут меня всячески восхвалять и возвеличивать. А я очень люблю, когда меня восхваляют и возвеличивают, знаете ли.

– Знаю, это точно, – старательно уверила Клавдия.

– Повторюсь, – все посмеивалась бабулька, – в вас слишком много неуместной романтичности, Клавдия, что говорит об ограниченности вашего ума. Вся эта благотворительность не более чем расчет и вложение денег. Иногда надо и помогать кому-то, чтобы не застаивался капитал. Да и чтобы Бога излишне не гневить.

– Да ладно вам, – попеняла ей в ответ, усмехнувшись, Клавдия. – «Неуместная романтичность» уже давно бы послала вас в светлые дали со всеми вашими ролями, капризами, закидонами, связями и воспоминаниями – продолжать испытывать на прочность нервы родственников. – И откровенно призналась: – Все, что про вас говорили, по большей части соответствует действительности: у вас скверный, вздорный характер, и людей вы изводите изощренно и виртуозно, получая от этого удовольствие, это точно. Но, бог знает почему, вы мне нравитесь, может, потому что вам все еще очень нравится эта жизнь и вы с удовольствием в нее играете? – И поспешила предупредить со всей строгостью: – Только не злоупотребляйте моим признанием и терпением, я могу и пересмотреть свое отношение к вам в любой момент.

– Не забываетесь, милочка, это я могу в любой момент отказать вам от дома и выставить вон, если мне не понравится, как вы работаете, – возвращаясь к роли капризной барыни-самодурки, одернула Клавдию хозяйка, сверкнув веселым, совсем молодыми взглядом, и величественно махнула ручкой, отпуская ее: – Идите уже, занимайтесь своими сердечными переживаниями.

Клавдия выскочила из комнаты, услышав вдогонку наставление, высказанные громким голосом в капризных, повелительных интонациях, не терпящих возражений:

– И чтобы завтра позвонили, я назначу время следующей нашей встречи! Работать надо, юная леди, вам за это деньги платят, и не малые!

Не оборачиваясь, Клавдия на ходу подняла руку и прощально потрясла ладонью.

«Железная старуха! Невыносимая совершенно! Жуть, что за бабка!» Выскочив за ворота усадьбы, на дорогу между домами, Клавдия невольно улыбнулась своим мыслям и не удержалась-таки от того, чтобы восхищенно не произнести вслух:

– Она меня с ума сведет, но это здорово, интересно, и держать она меня будет железной рукой в постоянном тонусе! Ох, и натерплюсь я с ней! Ох, и натерплюсь!

Она неторопливо шла в сторону железнодорожной станции по знаменитому, культовому поселку, с удовольствием вдыхала чистый, чуть холодноватый воздух, разглядывала дома за заборами, мимо которых проходила, читала памятные таблички с надписями о том, какая знаменитость и когда здесь жила, и немного грустила.

Осень.

Лето пролетело, как всегда, слишком быстро. Как было радостно и звонко от летней беззаботности бытия, когда не надо нахлобучивать на себя кучу одежды и мысленно готовиться к выходу из дома на мороз или в дождливую холодину, а можно просто сунуть ноги в любимые сланцы или босоножки, повертеться перед зеркалом в легком наряде – и гуляй-свисти – выпорхнуть из дома.

А там солнце-простор улыбается тебе приветливо – красота!

И так каждый день и завтра будет так же...

И вдруг осень... Откуда взялась?

Конечно, всего лишь сентябрь, а не прокисший депрессионный ноябрь с его мокрыми голыми ветками, зыбкими лужами и беспощадным, бесконечным серым дождем со снегом и промозглым ветром.

А пока еще прозрачный ностальгический сентябрь, который только перевалил за половину, и все еще тепло, но уже совсем не так, как летом, без той щедрой, слепящей яркости. Первый месяц осени, мудро улыбающийся всему, что не сложилось, не успело, пробуждающий нежную прозрачную грусть – воспоминание по сбежавшему лету, с ароматом поздних яблок, прогретых солнцем, запахом прибитой коротким, но уже холодным дождем пыли, чуть повлажневших деревьев и прелой листвы.

И мягкое сожаление по прошлому, особенно остро чувствующееся именно здесь, в Переделкино, со всеми его ушедшими в бесконечность знаменитыми жильцами, оставившими после себя нечто невидимое, нематериальное, но остро ощущаемое...

Осень. Сентябрь.

Клавдия возвращалась в Москву в электричке. Тратить время на пробки Клавдии как-то совсем не хотелось, хотя она могла ездить в Переделкино и на такси (ей оплачивали дорогу) или рискнуть самой сесть за руль их старенького семейного «Фордика», но водителем она была так себе, на неустойчивую троечку, да и не любила это дело, всегда ужасно нервничала и напрягалась, когда приходилось все же ездить самой.

Поэтому общественный транспорт рулит. Тем более что ей было очень удобно добираться именно таким образом.

Сидя у окна в вагоне электрички, увозящей ее в Москву, глядя на бегущие назад подмосковные пейзажи вперемешку с урбанистическими строениями, Клава все улыбалась, вспоминая их неожиданно откровенный разговор с Эльвирой Станиславовной, подтолкнувший ее к окончательному принятию решения все же работать с этой непростой женщиной, но, без сомнения, мощной личностью, и испытывала какую-то почти детскую радость от их пикировки и предвкушения ее дальнейшего продолжения.

Ну, конечно, Эльвира Станиславовна была права, ну, а как могло быть иначе, с ее-то умом и проницательностью, вот уже второй день Клавдия ни о чем другом не могла толком думать, кроме как о том их коротком, но знаковом, разговоре с Марком.

Ну, невозможно заставить себя сосредоточиться на чем-то ином, когда в голове постоянно повторяется и повторяется то, что он произнес, как он это произнес, и вспоминается, как он молчал и сопел в трубку, обдумывая ее отказ прилететь к нему.

Клавдия совершенно ясно, словно Марк находился перед ней, видела мысленным взором выражение его лица, когда он размышлял над тем, что услышал. Она настолько хорошо его знала, что могла предугадать его поведение, реакции и слова на то или иное происшествие, ситуацию.

Но вот что он подумает, решит и как будет действовать, когда она впервые отказалась к нему приехать, этого она никак не могла представить. Да потому что такого раньше никогда не бывало в их отношениях, и она впервые за все время их дружбы отказала ему в чем-то. И как раз не просто в чем-то, а в очень и очень даже важном для Марка – отказалась прилететь, когда была ему нужна.

И как он поведет себя и что сделает, ей даже в голову не приходило. Вот крутились различные варианты от самого радикального – он больше никогда ей не позвонит и не появится в ее жизни – и до... незнамо чего, до самого странного и невозможного, о котором она и думать не хотела, обуздывая свою фантазию.

Впрочем, это уже ничего не меняет, как он там отреагирует и что предпримет, и Клавдии становилось холодно от испуга перед неотвратимостью наступления какой-то новой жизни.

Чтобы занять руки и загрузить голову, кроме бесконечных мыслей о Марке Светлове, Клавдия решила соорудить какой-нибудь замысловатый ужин. Что-нибудь фундаментальное, подбадривающее, любимое, что может порадовать, какое-нибудь вкуснейшее баловство. И долго ходила по огромному и гулкому, как ангар, магазину, толкая впереди тележку, пытаясь сообразить, чего хочет.

Что-то все-таки надумала, но какое-то несуразное, никак не получалось сосредоточиться, все переключалась на мысли о Марке, даже рассердилась на себя и отчитала шепотом у прилавка с морепродуктами.

Добравшись домой, переоделась, умылась и, включив погромче концерт Андреа Бочелли, так что он заполнил собой все пространство квартиры, погрузилась в прекрасную музыку, и ей удалось наконец полностью отделаться от навязчивых переживаний и бесконечных дум и отдаться неторопливому процессу готовки.

Удобно устроившись на диване, она вычитывала справки и копии архивных документов перед сном – что планировала сделать еще утром, когда раздался звонок в дверь, заставивший ее непроизвольно вздрогнуть всем телом от неожиданности.

Клава кинула взгляд на часы на стене, стилизованные под картину импрессионистов, – половина десятого вечера, прямо скажем, не совсем чтобы гостевое время на дворе в доме порядочных граждан, отдыхающих после трудового дня. Настойчивая трель звонка, не прерываемая гораздо дольше, чем в первый раз, радостно разлилась по притихшей квартире.

Клавдия слушала это тирииль-тирииль-тирииль и отчего-то не спешила подниматься и идти открывать – она совершенно точно знала, кого там принесло, а вот зачем...

Но открывать придется – если этот мужчина решил что-то сделать, он сделает во что бы то ни стало, пусть хоть остановится Земля, разыграется зомби-апокалипсис, объявят победу коммунизма или высадутся инопланетяне не с самыми мирными намерениями. Он провел комплексный анализ проблемы, сделал выводы и принял решение, что следует делать, и любые препятствия между пунктами В – «принял решение» и пунктом С – «следует делать» уже не имеют никакого значения, как не влияющие на систему факторы.

Как-то так, он может объяснить это гораздо красивей и логичней – заслушаешься. Правда, вряд ли что поймешь, но все равно красиво.

И, тяжело вздохнув и выдохнув, Клавдия решительно поднялась с дивана.

Часть вторая

– Здравствуй, – пробурчал Марк, когда она распахнула дверь, и протянул ей большой фирменный пакет с веревочными ручками. – Это моя помощница купила тебе тут какие-то сувениры.

И, сунув ей в руки пакет, вошел в прихожую и закрыл за собой дверь.

Он всегда был правдив, порой до неприличия, и прямолинеен, как танк в лобовой атаке. И не имелось никакой возможности втолковать ему, что так не принято общаться, что надо как-то мягче или хотя бы уклончиво и осмотрительно, чтобы не обижать людей. Это называется тактом. На что он неизменно отвечал, что симпатичным словом «такт» люди маскируют принятую и обязательную лживость в общении и умалчивают факты, о которых всем известно. Он для себя не видит в этом необходимости.

– Почему ты не прилетела? – шагнув к ней поближе, напряженно всматриваясь в лицо, задал он вопрос, который его интересовал больше всего.

И Клавдия с удивлением поняла, что он очень волнуется, настолько волнуется, что так и продолжает держать в руке свою дорожную сумку с аэропортовской биркой на ручке, забыв поставив ее на пол или на скамейку у двери.

– Ты приехал прямо из аэропорта? – спросила она.

– Да, – недовольно буркнул он, – какое это имеет значение. Скажи мне: что у тебя случилось? Почему ты не могла прилететь ко мне?

– Ты ужинать будешь? – поинтересовалась Клавдия.

– Буду, – кивнул он и надавил голосом, призывая к немедленному ответу: – Клавдия!

– Идем в кухню, что мы будем здесь стоять и разговаривать, – недовольно заметила Клавдия и напомнила: – Поставь уже куда-нибудь сумку и проходи.

И не дожидаясь его реакции, развернулась и ушла, оставив его в прихожей снимать куртку и переобуваться в домашнюю обувь.

Он пришел практически следом за ней, крайне недовольный и решительно настроенный немедленно получить ответ. Клавдия развернулась к нему, вздохнула и ответила:

– Я беременна. – И пояснила более обстоятельно, зная, как он любит конкретику и четкие формулировки: – Я жду рождения ребенка.

– Так, – растерянно произнес Марк. Помолчал, по своему обыкновению, осмысливая информацию, и, указав пальцем куда-то в область Клавдиного живота, уточнил: – У тебя там сидит ребенок?

– Да, – сдержав усмешку, сказала Клавдия. – Там довольно тесно, поэтому скорее всего он сидит. Или полулежит.

– Ты из-за этого не прилетела? Ты себя как-то не так чувствуешь? – в полной растерянности расспрашивал он.

– Да, из-за этого, – подтвердила Клавдия. – Не то чтобы я себя плохо чувствовала, но не так, как обычно. Меня иногда мутит, а иногда, но редко, немного кружится голова. Но дело не в этом. Ты же знаешь, я не очень хорошо переношу полеты, да и в транспорте меня гораздо больше мутит. А уж в самолете, все эти взлеты-посадки, перепады давления и искусственный воздух, я даже думать об этом не хочу в моем нынешнем положении. К тому же у меня работа.

– Раньше работа тебе не мешала прилетать ко мне, – напомнил он.

– Мешала, – призналась Клавдия. – И это всегда было сложно – все бросить в один момент, договориться на подмены и куда-то нестись по первому твоему требованию.

– Ты никогда не говорила об этом, – рассеянно заметил он, видимо, все еще в шоке от потрясшей его новости.

– Нет, – подтвердила Клавдия. – Не говорила.

– Так, – решительно заявил Марк тем тоном, которым обычно говорил, когда принимал какое-то решение. – Надо же что-то делать с этим! – И он снова указал пальцем на ее живот.

А Клавдия окаменела.

Ей всегда казалось, что если случится что-то ужасно непоправимое, какая-то страшная беда с ее родными, любимыми людьми, то у нее ужасно заболит сердце.

Но она и предположить не могла, что от слов того самого родного человека, произнесенного деловым тоном, можно окаменеть в долю секунды.

Она знала его мильён лет, наверняка знала еще до, как они встретились в этой жизни. Она знала, как он ест, пьет, говорит и двигается, знала, что он любит, а что не переносит и отвергает категорически, как он отреагирует на ту или иную ситуацию и что скажет, порой еще до того, как он отреагирует и скажет. Она чувствовала его всего, всей кровью, сознанием и самой жизнью, все его реакции и побудительные мотивы.

И все эти его качества проистекали из одного главного стержня его натуры – силы духа, силы воли, порядочности, целостности и еще нескольких составляющих настоящего человека и сильную, неординарную личность.

И в тот момент, когда он деловым тоном произнес, что с «этим» надо что-то делать, Клавдии показалось, что рухнул весь ее мир, – оказалось, что она его совсем не знает и это какой-то совершенно другой человек. Другой! Не тот Марк Светлов, какой-то иной!

Оставалось только помереть от такого... от такой другой жизни, от чужого Марка Светлова, от себя, потерянной. Идиотка.

И, прилагая огромные усилия, разлепив окаменевшие губы, она спросила мертвым голосом:

– Что делать?

– Ну, откуда я знаю! – воинственно от полного расстройства чувств повысил он голос. – Что там делают в таких случаях?

Клавдия медленно прикрыла глаза – смотреть на него не могла, чувствуя, как ее накрывает опустошающая волна бесконечного, болезненного разочарования и какого-то мертвенного отчаяния.

– Я не знаю! – повторился он, окончательно разнервничавшись. – Специалистов надо спросить, что делать! Как-то правильно питаться, витамины какие-то пить! Гулять. Где-то я слышал, кажется, что женщинам с ребенком внутри надо ходить больше обычного.

Он замолчал, погружившись в раздумья, и неожиданно показал, как именно, с его точки зрения, следует ходить больше обычного женщинам с ребенком внутри:

– Туда-сюда, туда-сюда, – и снова замолчал.

А Клавдия поняла, что раньше, оказывается, помирать было не время, а вот теперь оно точно настало! От облегчения, вызвавшего невероятную радость, слезы навернулись на глаза.

Клавдия хлюпнула носом, судорожно втянула в себя воздух и быстрым вороватым движением торопливо смахнула предательские слезы, чтобы он не заметил.

И, конечно, он заметил и сильно удивился.

– Клав, ты что плачешь? – недоуменно приподнял он брови.

– Это так, ерунда, – улыбнулась она сквозь слезы. – У меня теперь иногда случаются резкие перепады настроений. И слезливость повысилась.

– Так ты витамины-то пьешь, какие там надо? – забеспокоился Марк. – Ты у врачей консультировалась?

– У врачей я консультировалась, – четко отрапортовала она.

Он снова замолчал, посопел, подумав, посмотрел куда-то поверх ее головы и неожиданно спросил профессорским тоном:

– А где этот твой? Как его? Федя.

– Володя. Его зовут Володя, – терпеливо напомнила Клавдия.

– Какая разница Володя, Федя! – раздраженно пробурчал он. – Должен быть рядом, раз ты тут такая ходишь.

– Зачем ему быть со мной рядом? Ходить со мной туда-сюда?

Она вдруг развеселилась и окончательно пришла в себя от той ужасной глупости, которую вообразила себе всего на мгновение, и от того испуга, который пережила.

– Может, и ходить, если понадобится, – наставительно проворчал профессор Светлов. – Вот где он?

– Очевидно, работает, – посмеялась Клавдия его стариковскому недовольству.

– Работает, – передразнил он ее и неожиданно спросил еще раз: – Так витамины принимаешь?

– Принимаю, – широко заулыбалась Клавдия.

– Вот что ты веселишься? – попенял ей профессор Светлов. – Что тут веселого? Что мне теперь со всем этим делать? Как все правильно устроить?

– Не устраивай никак, – беззаботно отозвалась Клава. – Само устроится как-нибудь. – И спросила: – Ужинать-то будешь? Я тут наготовила вкуснятины.

– Буду, – буркнул он.

Она сноровисто накрыла стол, поставила перед ним тарелки со своими кулинарными выкрутасами и села напротив. Больше они ее беременность не обсуждали. Марк рассказывал про конференцию, про интересные темы, затронутые там, про свой доклад. Она привычно слушала, вникая во все подробности, подкладывала ему добавки, заваривала свежий чай, кивала, задавала вопросы по существу и тихонько радовалась, что ничего страшного-то не случилось.

– Останешься или поедешь к себе? – поинтересовалась она, когда он допивал чай из своей любимой огромной кружки с видами Копенгагена, которую ему подарили коллеги, утверждая, что фигурка маленького человечка на узкой улочке поразительно похожа на Марка. Клавдия сколько ни рассматривала даже с помощью лупы – никакой схожести не обнаружила.

– Поеду, – подумав, без энтузиазма в голосе сообщил он свое решение. И пояснил: – Там у меня... – и запнулся.

– Понятно, – кивнула Клавдия, – очередная Маруся.

– Ее разве Маруся зовут? – засомневался он.

– Тебе лучше знать, как зовут женщину, с которой ты живешь и спишь, – усмехнулась Клава.

– Да, наверняка, – согласился он и тяжело поднялся со стула, оперевшись на стол руками. – Что-то я устал, – пожаловался он.

– Оставайся, – предложила Клава. – Выспишься, отдохнешь.

– Да нет, поеду, – поколебавшись пару минут, отказался он от заманчивого предложения. – Я сообщил, что прилетаю. Маруся ждет... – и сплюнул от досады: – Тьфу ты, Клава это все ты!

– Ты, главное, не обратись к ней так, а то обидится девушка, – предупредила добрая Клава.

– Не имеет значения, и чего уж обижаться, – отмахнулся он. – Нам с ней просто поговорить надо, она меня для этого и ждет.

Он споро собрался и уехал, как делал всегда, когда решение было уже им принято.

Быстро произнес «пока-пока», подхватил свою стильную дорожную сумку, коротко клюнул Клавдию в щечку и вышел за дверь. Никаких лишних прощальных слов и наставлений, как обычно.

А Клавдия, вздохнув, отправилась назад в кухню наводить порядок.

Марусями она стала называть всех его девиц из чистой вредности и по некоторым иным причинам, которые предпочитала держать неозвученными.

Конечно, она прекрасно и отчетливо помнила, как на самом деле зовут нынешнюю даму Марка.

Валерия, вот как.

Такое загадочное имя. Сразу представляется особенная девушка, с аристократической бледностью узкого лица, глазами с поволокой, тонкие запястья, длинные чуткие пальцы, дивной красоты ноги, летящие одежды и тайна, тайна, манящая, будоражащая все мужские инстинкты...

Ничего такого в девушке Марка не было и в помине: ни тайны, ни загадочности, ни тонких запястий с аристократичностью лица, кое-что от добротного дорогого «тюнинга», модные губы варениками, махровые накладные ресницы, подкаченная попа-ноги, все по современным стандартным требованиям к женской красоте и конкурентности, но Валерия это все же... М-м да, не Клава.

Девушку ту, что не Маруся, а отзывалась на имя Валерия, Марк выпроводил домой, хоть она давно уже рвалась серьезно поговорить, что-то выяснить, по всей видимости, то, что ей все еще было непонятно. Хотя чего там может быть непонятного – Марк не понимал. Они расстались несколько месяцев назад. Скорее Марк с ней расстался, объявив, что не может больше находиться в отношениях с ней. Так вот взял и прямым текстом заявил. Но попросил прощения за свою резкость.

Да все понятно, Клавдия миллион раз права, обвиняя его в черствости и прямолинейности, доходящей порой до жестокости, которые он проявляет в отношениях с женщинами, и частенько пилит его за это. Ну правильно пилит, что тут скажешь. Но не такой уж он пропащий. Каждый раз вступая в новые отношения, Марк честно, подробно и досконально объяснял женщинам, чего хочет и ждет от нее, какими видит их отношения и, главное, чего он не может им дать. И никогда не обманывал.

– Я устал, мне надо подумать над одной проблемой. Извини, но сегодня поговорить не получится. Может, как-нибудь в другой раз. Хотя... – Марк задумчиво посмотрел на девушку Валерию, что-то решая про себя. – Лер, ты о чем хотела поговорить?

– О нас, – твердым голосом заявила та.

– Так я вроде все уже объяснил. Мы расстались и больше не живем вместе, не имеем никаких отношений и не занимаемся сексом, – напомнил Марк, опустившись на банкетку в прихожей и глянув на девушку, стоявшую перед ним. – Или ты о чем-то другом хотела поговорить?

– Нет, как раз об этом.

– Говори, – кивнул Марк и, поглубже вздохнув, потер жесткой ладонью лицо, пытаясь немного взбодриться.

– Ты так резко приехал и заявил тогда: мы расстаемся, извини. Ты даже не спросил, чего хочу я. – Она всхлипнула с намеком на подготовку к близкому плачу и смотрела на него сухими глазами. – А я люблю тебя, и ты это знаешь. Мы замечательно жили с тобой, и все у нас было хорошо. – Она присела перед ним на корточки и заглянула ему в лицо снизу вверх: – Давай попробуем, у нас получится хорошая семья, я знаю. Тебе же было очень хорошо со мной, ты сам это говорил, я забочусь о тебе, как необходимо, и думаю только о тебе. – И повторила: – У нас получится семья. Я все возьму на себя, все хозяйские вопросы, и буду оберегать тебя от быта помочь тебе в твоей работе. И детей мы родим.

– Ты беременна? – задал он вдруг резкий вопрос.

– Нет, – от неожиданности сбилась она, подумав пару секунд, и Марк четко понял, что ей хочется сказать «да», но она справилась, не соврала и с сожалением повторила: – Пока нет. Но я хочу от тебя ребенка и давно тебе об этом говорила. И мы сразу его сделаем, как только снова...

– Валер, – перебил он ее совершенно измученным голосом. – Ты прости, но я зверски устал и хочу спать. Я не могу больше обсуждать тему нашего дальнейшего совместного проживания. Я не смогу с тобой жить, я не люблю тебя, и ты это знаешь. Я сразу тебе сказал и предупредил, что не хочу и не жду серьезных отношений и не вступаю в них, а для тебя все стало слишком серьезно, я это понимал и чувствовал последнее время. – Он вновь потер лицо рукой. – Мы все это уже обсудили. Мне больше нечего тебе сказать и предложить нечего. Не надо тебе больше со мной встречаться и пытаться поговорить. Тебе будет больней, а я буду мучаться от того, что обидел тебя.

И больше не затягивая разговор, он тут же вызвал для девушки такси, оплатив его со своей карты, и выпроводил барышню, мысленно напомнив себе наставления Клавдии, которые она неустанно ему повторяла, что надо с людьми обращаться все же как-то более мягко, а не столь прямолинейно.

Пришлось, сдерживая себя, подождать, пока подъедет машина, слушать, как девушка тихонько, но показательно плачет, проводить ее до такси.

Как говорит Клава, «чтобы не обиделась».

Марку постоянно приходилось вспоминать это ее «чтобы не обиделась в общении с девушками. Что будет, если Валерия все же решит обидеться, ему на самом деле было мало интересно.

Обидится, и что? И все. Наверное, как-то так.

Но это не важно. Ерунда все это.

Ему надо срочно осмыслить, проанализировать и обдумать, что случилось с Клавой, эту ее неожиданную беременность и что теперь ему со всем этим делать.

Он постоял под душем, вышел из кабинки, вытерся насухо и голышом прошлепал в спальню, улегся на кровать и, закинув руку за голову, надолго задумался.

Как же так получилось, что она ждет ребенка? И что теперь будет? Как все устроится у них? Будет ли ее отпускать этот ее, как его там, Коля, встречаться с Марком, приезжать, как обычно к нему, когда она ему понадобится?

На самом деле он был в панике и откровенно недоумевал, как быть и что делать. Что делать-то? Что надо предпринять?

Когда они познакомились...

А когда они познакомились, сколько лет тогда ей было? Ему было двадцать восемь, это он помнил, значит, ей в тот момент было двадцать.

Точно, Клаве тогда было двадцать...

Знаете, есть у нас выдающийся, уникальный ученый Татьяна Владимировна Черниговская, профессор, доктор биологических наук, занимающаяся теорией сознания, нейронаукой и психолингвистикой, которой не раз задавали вопрос «как вырастить гения?», и она не устает повторять:

– Никак. Для этого надо чтобы он родился гениальным, это сугубо генетическая вещь и ничего более. Как бы вы ни старались сделать из ребенка гения, даже при его врожденных невероятных способностях, намного превышающих среднестатистические параметры, это невозможно. Только генетический код, сложившийся в определенной комбинации из генов предков. Но.

Вот на этом моменте начинается самое интересное «но».

Чтобы человек смог в полной мере реализовать и раскрыть свою одаренность, ребенка необходимо воспитывать и воспитывать, как бы это ни парадоксально и избито ни звучало, на базовой мировой культуре – классической литературе, поэзии, лучших мировых музыкальных произведениях, развивая навыки к систематизации знаний и умение размышлять. Много читать, отдать в хорошую школу, где есть качественные учителя-наставники, дать лучшее обра-

зование, приучать к терпению, целеустремленности и усидчивости, прививать желание всегда докапываться до истины, поддерживать, поощрять. И помогать, помогать.

Есть, разумеется, в истории человечества случаи самовоспитания таких уникальных людей, но это требует колоссальной самодисциплины и никогда не обходится без огромной доли удачи, дающей таким людям наставников, людей, которые их направляют.

А в подавляющем же случае множество людей рождается одаренными в разных областях, но практически все они не реализуют себя, не развивают свои способности, не занимаются ими и остаются среднестатистическими людьми, ничем не выделяющимися из общей массы. И это факт. Есть такое понятие: гений не отдыхает. Так вот, он не отдыхает с момента своего рождения, постоянно развиваясь и совершенствуясь, а если нет....

Вот и все.

Марку в этом плане повезло. Или не повезло, как посмотреть, потому как, понятное дело, любому здоровому мальчишке интересней гонять мяч с друзьями, лазить по заборам и деревьям, пробовать всякое запретное с пацанами, во всем участвовать и везде присутствовать, особенно в том, что не поощряется родителями, а не корпеть над книжками и занятиями.

Но ему досталась именно такая семья, которая выращивала на своей грядке талантливую, одаренного сверх меры ребенка, помогая ему реализовать свой гений.

И хотя родные Марка не заказывали ребенка-гения, да и не воспринимали его таковым, но то, что мальчик имеет врожденные способности к точным наукам, невозможно было не заметить. Никому и никогда в семье в голову не приходило называть Марка гением, и «танцы с бубнами» вокруг его неординарных способностей не устраивали и уж тем паче не заставляли малыша как дрессированную обезьянку демонстрировать свои поразительные способности друзьям и родне, в часы праздничных застолий не ставили его на табуреточку перед подвыпившими гостями с требованием: «Ну-ка, покажи, что умеешь, умножь-ка четырехзначные числа, порази людей!» А он это умел еще с трех лет – перемножать четырехзначные в уме.

Ничего подобного. Все как-то буднично происходило – родные спокойно, целенаправленно и постоянно занимались развитием ребенка.

Когда открылись способности малыша к точным наукам и необычайное увлечение цифрами и счетом, бабушка Анастасия Николаевна, проработавшая всю свою жизнь заведующей архивом в университете, обратилась к ректору по личному вопросу и детально проконсультировалась на тему, как лучше направлять малыша, чтобы помочь ему развивать свои способности, отдавать ли в садик, существуют ли методики занятий с такими одаренными детками – вообще-то это были восьмидесятые года, и никаких таких особых условий для уникальных детей никто тогда не создавал – все на общих основаниях. Но проговорив с ректором целых два часа, исписав тетрадь рекомендациями и получив список специалистов, которым было бы неплохо показать мальчика и с которыми было бы неплохо проконсультироваться, Анастасия Николаевна, вернувшись домой, собрала общее собрание и изложила свои мысли по данному поводу.

Это, видимо, от нее передалась внуку страсть к систематизированию всего на свете: любых предметов, любой поступающей информации, своих знаний. Логический порядок в мыслях и делах – это их с бабушкой пунктик, неизменно вызывавший добрую иронию у всех остальных домочадцев.

И тем не менее, тем не менее, хоть родные и поулыбались той решительной серьезности с которой Анастасия Николаевна подошла к вопросу воспитания необыкновенного внука, и иронизировали потом бесконечно по поводу того «научного» семейного совета, подшучивая над ней и припоминая «заседание», но рекомендации, данные ректором, и консультации у специалистов несомненно дали свои результаты и направили усилия семьи в правильное русло без необходимости метаться в поисках наилучшего решения для мальчика.

Впрочем, рекомендации эти были всего лишь неким подспорьем, с основной задачей воспитания ребенка семья и сама прекрасно справлялась. Ну, еще бы! Отец работал в космической отрасли, в составе инженерной группы, мама – социальный работник, бабушка – архивист, а дед Валентин Романович – инженер широкого профиля (как он сам подшучивал над этим определением: «и нашим, и вашим, и споем и спляшем»).

– То есть, – улыбался он, объясняя внуку, – считай, Марксюшка, что знать должен был все: от устройства лампочки накаливания до космических аппаратов. Такая вот специализация у нас была.

У деда Валентина Романовича имелось несколько серьезных пристрастий. Ну во-первых, он обожал читать, с детства и не мог обходиться без книги ни одного дня, хоть несколько страничек, но прочтет. Во-вторых, любил что-то мастерить руками. Сколько Марк себя помнил, дед никогда не сидел празднично, а всегда чем-то занимался, либо что-то мастерил, либо читал. Ну и в-третьих, имела у деда великая любовь и преданность, к которой он еще пристрастил и жену. Валентин Романович обожал классическую оперу.

За свою жизнь он собрал не самую большую, но весьма качественную фонотеку пластинок с записями разных опер и классической музыки в исполнении уникальных певцов, известных дирижеров и оркестров, занимавшую целых две большие полки старинного книжного шкафа, стоящего в их с бабушкой комнате.

По воскресеньям дед Валентин Романович слушал оперу, и это был целый ритуал. И маленький Марк совершенно завороченно каждый раз наблюдал за этим действием.

Дед открывал крышку старенького, потертого, но исправно работавшего проигрывателя, включал его, неторопливыми, полными значимости движениями надевал белые тряпичные перчатки, открывал шкаф и, с особой осторожностью и почтением перебирая пластинки, интересовался у замершего рядом, с восторгом глядящего на него внука:

– Ну, что Марк Глебович, чем насладимся? Может, «Тоска» Пуччини?

И он доставал пластинку с оперой, рассматривал любовно обложку, которую видел, наверное, уже миллион раз, ставил на место и с той же почтительной осторожностью извлекал следующую пластинку.

– Или «Норму» Беллини? – Он вынимал диск пластинки и задумчиво рассматривал ее обложку. – С Марией Каллас? А?

– Нет, – вступал в эту их игру Марк и активно крутил головой из стороны в сторону, – не Каллас.

– Тогда кто, предложи? – улыбался дед, возвращая пластинку на место.

– Лучше эта, которая громко там поё-ё-ёт, – поднимал ручки внучок, старательно изображая насколько громко «эта» поет.

– Ага, – улыбался дед, – я так понимаю, ты про «Кармен» с Еленой Образцовой?

– А-а-а-а? – вопросительно выводил мелодию Марк.

– Да, – кивал дед.

– Она, – солидно соглашался внучок.

Пластинка доставалась из фонотеки, торжественно извлекалась из обложки, протиралась специальной мягкой тряпочкой, с почтением устанавливалась на резиновую подложку, включался аппарат, аккуратно переносилась и устанавливалась на пластинку игла звукоизвлекателя. Дед усаживался в кресло у окна, а Марк на специальный маленький детский стульчик возле него, и начиналась опера.

Усидчивости мальчонки хватало ненадолго, и очень скоро внучок свинчивал из комнаты, оставляя деда наслаждаться и эстетствовать в одиночку. Но музыку не спрячешь ни за какими дверями, и голоса великих исполнителей разливались по всей квартире. Домочадцы занимались своими делами под звуки шедевров мировой музыки. Не самое плохое сопровождение, согласитесь, да и никто особо не протестовал.

Занимались ребенком все – и родители, и старшее поколение, но дед Валентин был для Марка особым человеком – самым большим его другом и наставником, и все свои многочисленные и бесконечные вопросы внуков задавал ему, получая на них совершенно уникальные, а порой неожиданные ответы, заставлявшие ребенка задуматься еще больше и увидеть интересующий его предмет под совершенно иным углом.

А еще они с ним беседовали, рассуждали – Валентин Романович задавал какой-нибудь хитрый вопрос с «подвывертом», как он это называл, а Марк, сдвигая брови от усердия, принимался искать ответ:

– А вот ответь-ка мне, Марксюшка, на такой подвыверт, как ты думаешь...

И вот начинался непростой разговор с размышлениями, предположениями, гипотезами и, порой, совершенно неожиданными выводами.

Вот один такой дедов «подвыверт» в принципе и подтолкнул Марка к серьезному и окончательному решению – посвятить свою жизнь математике. А началось все, как обычно – с заковыристого вопроса, который задал дед:

– Я вот тут прочитал одну интересную статейку, – начал издали свой хитрый заходец Валентин Романович, – в ней говорится, что ученые, проанализировав все полученные данные по исследованию человека как физической единицы, застопорились на одной из составляющих, а именно: реальности его существования в определенный момент времени. Поясню. То есть: какой момент времени считать тем, в котором в действительности существует человек?

– В настоящий, – тут же ответил десятилетний Марк.

– Да, разумеется, – хитро улыбался дед, – а что считать настоящим моментом? Все мы знаем, что прошлого нет, ибо оно уже прошло и вернуться туда нет никакой возможности и произвести какое бы то ни было влияние как физическое, так и не физическое на прошлое, изменить его невозможно. Как и нет будущего – оно еще не произошло, на него мы, конечно, можем повлиять, но только опосредованно. Например, ты решил разбить чашку или произвести какое-то иное действие. Вот ты взял молоток, занес руку над чашкой в настоящем моменте, а то, что ты разобьешь ее, будет происходить уже в будущем. То есть твоё направленное в настоящем действие создает будущее. Потому что ты можешь и передумать и не разбить чашку, и тогда она останется целой, а можешь и разбить, и тогда получается, что из нынешнего момента может произойти уже две реальности, а то и три, если вдруг, скажем, чашка упадет, или кто-то выхватит ее из-под твоего молотка. И это уже множественная вероятность вариантов. То есть будущего, как реальной, вещественной и физической составляющей тоже не существует. Вот здесь и возникает вопрос: а что есть настоящее, что брать за единицу настоящего и своего реального существования в ней? Как ты думаешь?

И десятилетний Марк ка-а-а-ак задумался, так и продумал над этим вопросом два дня. А надумав, твердо решил, что станет математиком и обязательно вычислит природу времени и все его особые свойства.

В пятнадцать лет Марк закончил спецшколу с математическим уклоном, разумеется, по ходу учебы, победив в куче олимпиад и соревнований по математике, занимался дополнительно факультативно на курсах при МГУ, а в девятом классе решил все задачи из сборника Петра Сергеевича Моденова, по которому вообще-то занимаются при поступлении и на первом курсе университета.

Годы учебы пролетели для него совершенно незаметно, потому что ему было очень, ну просто очень азартно, увлекательно учиться, к тому же он попал к совершенно выдающимся преподавателям и обрел самого важного, ставшего навсегда главным его наставником и учителем профессора, а в дальнейшем и академика Виктора Павловича Огородничьего, которого поразили способности юного студента и который внимательно наблюдал за Марком, за его достижениями и успехами, развитием, подсказывал и направлял устремления и усилия юного дарования.

Понятно, что Светлов поступил в дальнейшем в аспирантуру, в которой тоже блестяще учился, а закончив ее, столь же блистательно защитил кандидатскую диссертацию.

Что, у кого-то были сомнения по этому поводу?

Он занимался наукой, преподавал, поработал в составе большой научной группы, куда его порекомендовал Виктор Павлович, которая трудилась над одним интереснейшим, но засекреченным проектом по заказу Правительства.

А параллельно они с Виктором Павловичем несколько лет в виде хобби бились над одной интереснейшей задачей, за решением которой явно бы последовали новые открытия в мировой науке. Не теорема Ферми, понятное дело, ковыряться в поисках её доказательств Марку было не интересно, он вообще не очень любил задачи, в которые одним из базовых параметров входила невозможность разрешения как такового.

Он занимался этой темой на досуге, если, конечно, можно назвать досугом те короткие часы, остававшиеся у него от занятий и преподаваний, в которые он оказывался дома. Марк приходил в гости к Виктору Павловичу, когда у того выпадала возможность встретиться с учеником вне формальной обстановки, и они вдвоем увлеченно, забывая о времени и обо всем на свете, несколько часов корпели над интересным явлением, никак не дававшимся.

Верное решение Марку приснилось.

Если точнее, то не само решение, а принципиально иной ход рассуждений и вычислений. Он настолько был ошеломлен озарением, которое сначала ощутил, как открытие увидел, и только потом понял правильный ход решения, что, подскочив в пять утра, помчался к Огородничьему на Плющиху, позабыв обо всем на свете.

Благо семья профессора жила не с начальником транспортного отдела завода Ильича, в городе Горький Лог, а все же с академиком РАН и к таким явлениям, как научное озарение, относилась спокойно, с должным пиететом, уважением и пониманием.

Виктор Павлович был поднят с кровати срочным образом, с помятым лицом и вскоченными ото сна, стоявшими торчком, редкими волосюшками на академической лысине, в тапках, халате, накинутом поверх пижамы. Проводил Марка, которого буквально распирало от нетерпения, в свой кабинет, где они и засели на несколько часов. И лишь настойчивые звонки секретаря Огородничьего смогли оторвать этих двоих от чуда, которым они занимались, и вернуть в реальность – одного на научный совет, другого – на лекции студентам.

Итогом их совместного мозгового штурма, который они, разумеется, продолжили в тот же вечер и еще несколько дней подряд, явилось настоящее открытие, на основании которого Марк Глебович Светлов в двадцать семь лет защитил докторскую диссертацию.

Вообще-то именно в математике стать доктором наук очень сложно. Очень. Это редкость. Потому что для этого требуется сделать настоящее открытие.

А математика – это настолько точная и бескомпромиссная наука, что сделать в ней открытие, скачав что-то из интернета, слямзив что-то у коллег, напустив воды в рассуждения, двинув какую-нибудь завиральную идейку, уйдя в дебри малопонятных теорий, отлакировав их заумными терминами, совершенно невозможно.

Потому как математика – это основа всего – вообще всего: мира, природы, как таковой, сути всех явлений и заодно базовая часть любой науки. А переделать, скажем, таблицу умножения, потому что тебе вдруг захотелось стать доктором наук, личностью известной и значимой, любым путем, образом и маразмом, и объявить миру, что дураки вы все и дважды два это всегда было восемь, оно, конечно, можно. И люди в белых халатах с удовольствием послушают твою теорию со всеми доказательствами, потому как на основе ее они, в свою очередь, защитят диссертации про навязчивый параноидальный математический бред у больного. Это в худшем случае, а в лучшем....

Невозможно, и всё.

Так что в математике – только открытие, будьте любезны.

А они вот сделали. И если бы кто знал, какое удовольствие получили два этих ученых мужа – старший и младший, пробираясь через формулы и серию последовательных решений к доказательству, – удовольствие, которое невозможно передать никакими словами, которое способны пережить только творцы в момент того самого сотворения, в момент наивысшего озарения, когда перед ними открывается истина и они постигают ее в полном объеме. Это на порядок выше, мощнее и сильнее любых физических и телесных удовольствий, и на те же порядки непостижимо на этих уровнях.

При чем тут диссертации, защиты и звания – это уж так, приятная и, разумеется, важная составляющая, но не главная.

Э-эх! Это было круто!

А через пару месяцев после защиты со Светловым случилась во что...

Марк при любой возможности старался ходить пешком. Во-первых, он как-то прочитал интереснейшую статью одного австрийского ученого о движении человека как таковом, и, в частности, о ходьбе и «прямостоянии», там много было всяких интересных примеров, но основной вывод сводился к тому, что ходьба – один из самых парадоксальных механизмов человеческого тела, способных усиливать его жизнестойкость и способность к размышлениям, ходьба заставляет постоянно работать мозг, обрабатывая кучу поступающей информации. Кстати, исследования показали, что люди, которые много ходят, очень редко, практически никогда не болеют Альцгеймером.

А тут внимание! – ходят по улице, по пересеченной и меняющейся местности, по земле, одним словом, а не по спортивной дорожке тренажера.

А во-вторых, Марку во время ходьбы замечательно думалось.

Так что пешком он ходил с удовольствием и при любой возможности. В том числе расстояние от метро до дома по привычному маршруту укладывалось у него минут в двадцать.

Машину Марк не водил, хотя сам процесс освоил быстро, но даже права не стал получать – зачем? Он посидел за рулем, поволил по полигону автомобиль и понял, что водить ему нельзя, и это совершенно не его занятие. Постоянно размышляя над какой-нибудь задачей, он частенько настолько увлекается, погружаясь в мысленную работу, что перестает замечать все остальное. А вождение автомобиля – это не шутка, оно требует внимания и сосредоточенности.

К тому же, когда Марк находился в процессе размышления над чем-то, ему постоянно требовалось что-то записать, и он мог банально бросить руль, вообще забыть о дороге и начать торопливо записывать формулу.

Четко осознав свое отношение к транспорту, Марк теперь старался быть только пассажиром.

Да и машины в те времена в их семье неоткуда было взяться. Заработки самые что ни на есть средние, как у всей российской интеллигенции – отец инженер, кое-как устроившийся на работу по специальности после погромных девяностых, мама – соработник, дед и бабуля – пенсионеры, а сам Марк в то время зарабатывал совсем скромно, хоть и работал непомерно много.

Какая там машина – они и на билет-то в оперу для деда с бабулей на какого-нибудь известного исполнителя, приезжавшего в Москву с гастрольями, откладывали несколько месяцев всей семьей.

Так что Марк передвигался пешочком везде и всегда, да еще с неким научным обоснованием процесса.

Вот так и шел домой однажды вечером, часов в одиннадцать, возвращаясь после заседания кафедры, когда к нему привязалась группа пьяных молодых дебилов, почти подростков, которым захотелось покуражиться над одиноким пешеходом и ничего более.

Просто так!

От тупости своей, от животного врожденного скотства, от жестокости и безнаказанности. И оттого, что скопом, стаей. Поодиночке вряд ли бы кто из них решился напасть на человека, а толпой – мы же крутые, сильные, зверье шакальное.

Мальчонкой Марк был не слабенкиим, далеко не ботаном скрюченным и пугливым, на типичного ученого походил не очень-то – рост под метр девяносто, крепкий такой, два раза в неделю в университетском бассейне полуторачасовой заплыв, а по утрам дома – занятия на турнике. Да и характер куда денешь, упертый, бойцовский, пальцем-то не размажешь.

Он так вот просто и сразу не дался, отбивался, как мог и сколько мог, и даже парочке уродов от него крепко прилетело. Но их было пятеро. Пьяных, озверевших от своей безнаказанности и крови, и они были стаей...

Они не успели его изувечить и убить – проходивший мимо собачник поднял шум, на который подтянулось еще несколько равнодушных человек, и пьяная свора уродов тут же разбежалась.

Марка забрала скорая помощь, вызванная теми самыми добровольными помощниками, и его отвезли в больницу. Серьезных ранений, требовавших бы оперативного вмешательства, у него не обнаружили – ушибы внутренних органов, но без кровоизлияния, трещины двух ребер, гематомы по всему телу, шатающиеся зубы. Однако он получил очень сильное сотрясение мозга.

Кстати, козлов тех нашли, ума-то не хватило даже на то, чтобы свою жертву отвести куда подальше от видеокамер, да и свидетели дали показания. И что характерно: на первых же допросах они обивали друг друга признательными помоями, рыдали, каялись и тряслись от страха, осознав, что реально попали.

Реально. И теперь всё всерьез, без прилипшей к руке пивной банки в компании таких же недоумков, без быдличего выпендрёжа друг перед другом, без подружки такой же умственной категории – не-а, теперь все по-взрослому, ребята! Покушение на убийство в составе группы, отягченное алкоголем – целую крепко, твоя тюрьма, лет эдак по пяток каждому. Жду.

Марка пролечили в очень хорошей клинике, он достаточно быстро встал на ноги и, понятное дело ринулся назад в свою науку.

Но...

Через пару месяцев у него случился первый приступ головной боли. Тяжелейший, страшный, изматывающий до рвоты и потери сознания, до желания разбить голову совсем, только бы остановить, прекратить эту муку мученическую хоть на мгновение! И самое страшное – эти болевые приступы не снимались никакими медикаментозными препаратами.

Перепугались все. Оно и понятно – родные и учитель Виктор Павлович, относившийся к Марку как к сыну, это-то ясное дело, но и коллеги и его ученики искренне переживали за Светлова. Огородничий срочным порядком поднял все возможные связи, и Марка определили в лучшую клинику страны на обследование.

И началось...

Часть третья

Его обследовали ведущие специалисты страны, а потом, по совету и настоянию Виктора Павловича и при его непосредственном содействии, отправили в Израиль, где Марка так же обследовали ведущие специалисты.

А Марк смущался от такого внимания врачей и родных и ужасно сетовал, что угодил в неприятную историю и не может самостоятельно справиться с болезнью, от чего и ворчал:

– Носитесь все со мной, словно я сделался каким-то инвалидом умственной деятельности, ей-богу!

И родные принимались его уговаривать, успокаивать и увещевать, словно он и на самом деле инвалид, и от этой их чрезмерной заботы и злости уже на себя самого и свои капризы, которые вынуждены терпеть его близкие люди, Марк злился пуще прежнего, чувствуя, что задыхается от бессилия и непонимания, что делать и как справляться с ситуацией.

Но он жестко держал себя в руках, чтобы не капризничать и не стать обузой с дерьмовым характером, донимающим всех окружающих своей инвалидностью, поэтому и старался четко следовать всем распоряжениям докторов.

Вердикт и наших, и израильских врачей был единодушен: ни гематом, ни аневризмы, ни каких-либо явных патологий мозга, вызывающих болевые приступы и требующих оперативного вмешательства, нет.

Все родные и близкие выдохнули – уф-ф-ф! – слава богу.

Но!

Но травма все же имела последствия, скорее психосоматического свойства – от чрезмерных перегрузок и непрекращающейся деятельности мозг начинает работать со сбоями – далее следовала череда медицинских, совершенно непонятных терминов и резюме.

– Вам, молодой человек, надо срочно учиться давать своему мозгу отдых и разгрузку, – сказал профессор Абельман, худой, длинный, с крючковатым носом, веселыми глазами поразительного оттенка, похожими на спелые, крупные с маслянистыми бочками, темно-фиолетовые, отдающими немного в насыщенную коричневую, маслины, больше напоминающий кавказца, нежели праведного еврея. – Вот скажите мне, молодой человек, было ли такое время, когда вы не крутили в своей голове всякие формулы и циферьки и как давно такое случилось с вами?

Марк, во всем любивший порядок, сильно призадумался, отматывая воспоминания назад, и честно ответил:

– Несколько раз во время секса. Ну, и, конечно, сна. – И радостно, с энтузиазмом, поделился: – Но не всегда. Знаете, профессор, во сне иногда приходят такие интересные идеи и неожиданные решения.

– Знаю, – шумно втянув воздух через свой крючковатый нос, признался Абельман и, скорбно выдохнув, продолжил объяснения: – В вашем положении это катастрофически мало, Марк. Ваш мозг – это уникальный механизм и, как каждый механизм, он требует отдыха, профилактики и тщательнейшего ухода за собой. А вы его нещадно эксплуатируете без всякой меры. К тому же, Марк, ученый обязан время от времени отвлекаться от своих занятий, полностью отодвигая предмет своего исследования, и переключать внимание. Обязательно! Для сохранения как физического, так и психического здоровья. Кроме того, вам же прекрасно известно, что если никак не находишь решения, то надо полностью отложить задачу, оставить ее в покое, и тогда, в один удивительный момент, ты увидишь совершенно неожиданное и верное решение.

– То есть приняться за другую задачу? – уточнил Марк.

– Ни в коем случае! – возмутился профессор, и его глаза-маслины сверкнули негодованием. – Я же вам объясняю: полный отдых! Полный! Никаких формул, никаких задач – ничего!

– И что тогда делать? – потерялся Марк, не знавший, как это можно без задач и формул.

– От-ды-хать! – по слогам отпечатал доктор – В полном смысле слова. Читать книги, легонькую литературу, детективы какие, романы, – с ироничным ударением на «о» произнес он. – Можно и классику, но исключительно веселую, Зощенко, например, Ильф и Петров, такого плана. Непременно проводить время на природе: много ходить, дышать, путешествовать. Слушать качественную музыку, много спать. Хорошо бы влюбиться, но еще лучше полюбить по-настоящему.

– Хорошо бы, – кивнул Марк, соглашаясь с данной конкретной рекомендацией, и спросил о самом важном: – И как долго это делать? В смысле не влюбляться, а отдыхать: с какой временной продолжительностью и какой периодичностью в году?

– Идеально было бы по месяцу и хотя бы пару раз в году. Но я понимаю, что вряд ли вы выдержите целый месяц не размышлять над своими формулами. Научитесь хотя бы на неделю или дней десять переключаться на что-то иное, найдите себе хобби, иное занятие. И хотя бы раз в три месяца заставляйте себя отключаться от работы.

Попутно выяснилось, что проводить летние месяцы на теплом море Марк не может: столь активное солнце ему противопоказано – ничего, страна ого-го вон какая и может предложить любой отдых в холодном климате, вплоть до экстремально холодного на Северном полюсе – да пожалуйста, у нас этого добра допона, заотдыхайся!

Как истинный ученый, Марк подошел к проблеме восстановления здоровья и нормальной работы мозга системно: выработал план по рекомендациям врачей и даже составил некое расписание на год.

Понятное дело, что вся затея провалилась самым замечательным образом. Ну, а как? Вы когда-нибудь пробовали ЗАСТАВИТЬ себя отдыхать. Ну, вот так – насильственным образом? Нет, ну, можно, разумеется, бросить все, бухнуться на диван, мысленно, а можно и вербально, чего уж стесняться, послать всех, зажать в потной ручке пульт от телика и начать отдыхать. Или еще как – затолкать себя в машину, вывезти на природу – и отдыхать. Или на море рвануть – и отдыхать.

Можно. А вот как заставить заткнуться свой мозг? Пробовали?

Ты ему уси-пуси, расслапси, помолчи, родной, и ни о чем не думай. И глазки прикрой, вздохнул-выдохнул, расслабился – лежишь, хорошо тебе, а он, зараза такая, в этот момент крутит про Ленку – крашеную стерву, что наврала с три короба, или про соседского пуделя, опять насравшего в подъезде, или о том, что надо бы картошку купить, и про Игорька, любовь всей твоей жизни.

Ты ему – заткнись! А он тебе, с усмешечкой издевательской – ага, сейчас! Ну, давай, попробуй, заткни меня, уговори!

И ни фиги у вас не получится. Попробуйте мысленно помолчать хоть пару секунд. Рекомендую, узнаете много нового о себе.

А как можно заставить молчать мозг ученого, уговорить не думать и начать уже отдыхать по рекомендациям лучших врачей? Никак.

После очередного сильного приступа головной боли близкие переполошились совсем уж не на шутку и срочно стали придумывать, что делать и как спасти родного, любимого мальчика.

И в рамках этой самой операции по спасению было решено немедленно устроить Марку отдых на природе. С дальними выездами решили не морочиться, а подыскать что-нибудь достойное в Подмосковье.

Но дачи, хоть какой захудалой, семья не имела (была когда-то и неплохая, но в девяностые голодные годы продали, что уж теперь о ней вспоминать, это наболевшее – спасла семью в разруху, выжили и слава богу).

И тут, как по заказу, выяснилось, что хорошая знакомая Анастасии Николаевны, с которой она когда-то давно работала вместе и поддерживала все эти годы отношения, думает сдать на лето свой участок с домом жильцам, но сильно сомневается. Дачу свою Марина Леонидовна любила беззаветно, холила ее всячески, но срочно потребовались деньги, а взять, как водится, неоткуда, вот и пришла мысль сдать на лето любимую отраду, да жалко-то как.

Уговорили ее Светловы быстро, к тому же не абы кому неизвестному дом доверить придется, а, считай, своим людям. Да и деньги нужны.

Дачу сняли на все три летних месяца, с расчетом на то, что Марк проведет тут отпуск и после будет приезжать на каждые выходные. Перевезли сначала старших Светловых и, в несколько заходов, всякий необходимый скarb, а в июле Марк взял первый за всю свою жизнь отпуск аж на целых двадцать дней и перебрался из города к бабушке с дедом в поселок «Верхние поляны» по Юго-Западному направлению от Москвы.

Может, когда-то тут и буйствовали леса, посередь которых прятались те самые «верхние поляны» и, по логике, и «нижние поляны» иже с ними. Но сейчас вместо предполагаемого в теории леса с полянами, на месте бывшей и безвозвратно канувшей в небытие деревеньки стоял поселок, основанный еще в тридцатых годах прошлого столетия.

Единственное, что как-то соответствовало названию места, так это то, что поселок расположился на возвышенности, у подножья которой протекала довольно широкая речка. И лес все-таки был, но подальше, начинавшийся за кромкой большого луга.

Поселок утопал в зелени деревьев, кружил голову ароматами липового цвета и диких трав, ягодных кустов, нагретых солнцем, и многочисленных цветов.

В первые же дни своего водворения на даче бабушка с дедом перезнакомились с ближайшими соседями. И почти сразу же Валентин Павлович нашел себе человека по душе и характеру: Роберта Кирилловича Невского, жившего по соседству через один дом по их стороне улицы, оказавшегося заядлым шахматистом, интереснейшим собеседником и чудесным человеком, и хоть тот был и младше его на одиннадцать лет, но они тут же сдружились.

А следом за мужчинами познакомились и сдружились и женщины. И хоть бабуля Анастасия Николаевна была старше на десять лет Веры Михайловны, но они, как и их мужья, сразу же прониклись уважением и душевной приязнью друг к другу.

Так бывает, знаете. Так бывает с нормальными людьми.

К моменту приезда Марка бабушка с дедом уже совершенно освоились на новом месте, обжились и чувствовали себя прекрасно, да и выглядели взбодрившимися, помолодевшими. Много гуляли по окрестностям, плавали в речке, даже загорали, принаровились на малые деньги покупать у соседей ягоды и фрукты, которым пришло время созреть, да и сами посадили всякой зелени к столу, лучок, редисочку. Распробовали, одним словом, дачную жизнь, с удовольствием ее смаковали и приехавшего внука попытались тут же к ней приобщить, завалив восторженными рассказами о такой замечательной, экологически чистой жизни.

Марк посмеивался над их энтузиазмом, но, как ни странно, первую же ночь проспал без сновидений аж восемь часов кряду, побив все рекорды, – обычно ему вполне хватало пяти часов на сон, а порой и четырех. Но выспался он здорово, чувствовал себя отдохнувшим и с удовольствием завтракал на веранде вкуснейшими блюдами – яичницей из свежайших яиц, поджаренной с помидорами на шкварках, сырниками из офигительного творога, залитыми не менее офигительной сметаной и щедрой порцией только что перетертой с медом клубники. И все это запивалось невероятно пахучим чаем с травками.

И так это было классно по отдельности и в совокупности – тишина, неторопливость дачного утра, завтрак обалденный, воздух сладкий, что Марк понял: вот именно здесь он обязательно сможет расслабиться и даст настоящий отдых мозгу.

Вечером бабушка с дедом оповестили его, что пригласили гостей на ужин, отметить, так сказать, приезд любимого внука и представить его новым знакомым.

– Замечательные люди, – неторопливо сервируя стол, объясняла бабуля Марку, помогавшему ей. – Они тут в поселке живут постоянно с невесткой и внучкой, но сами москвичи, и работают там, а внучка учится.

– И вы с дедом, разумеется, не расспрашивали о подробностях их жизненных обстоятельств, – усмехнулся ее деликатности Марк.

– Разумеется, – кивнула Анастасия Николаевна и попрекнула в мягкой форме: – Это не тактично, как ты прекрасно понимаешь, только редко бываешь тактичным.

– Да ладно тебе, булечка, – легко рассмеялся он.

– Они очень хорошие люди, – заметила Анастасия Николаевна.

Очень хорошие люди пришли втроем – чета Невских старших и их невестка Лариса, интересная, даже не симпатичная, а, пожалуй, можно сказать, что и красивая, такой спокойной, неброской славянской красотой, молодая стройная женщина непонятного возраста. На взгляд Марка, лет тридцати пяти, впрочем, он плохо определял возраст у людей, это как-то ему не давалось.

Но не суть.

Ужин удался на славу. И не только прекрасной, как всегда, кулинарией бабушки Насти, но и, что удивило Марка, общением с новыми знакомцами, которое было совершенно легким, веселым, с шутками и интересными рассказами, с уместными анекдотами и проходило так здорово, тепло и увлекательно, что казалось даже странным, что он познакомился с этими людьми только сегодня. И когда уже вечерело, когда со стола убрали тарелки, переменили сервировку к чаю и водрузили большой, дышащий жаром, попыхивающий самовар, новое увлечение деда с бабулей из дачной жизни, скрипнула калитка, на тропинке раздались легкие шаги, и, взбежав по ступенькам, на веранду впорхнула совсем молоденькая девушка.

– Привет всем! – весело улыбаясь, поздоровалась она. – Дома вас нет, я сразу поняла, что вы в гостях у соседей. – И, шагнув к Марку, протянула ему руку и представилась: – Я Клавдия. – И улыбнулась еще задорней: – А вы Марк, я знаю. Про вас все время говорят ваши бабушка с дедушкой.

Он, вспоминая о такте, когда ему это было удобно или если человек вызывал у него особое уважение, галантно поднялся со стула, принял ее протянутую руку, легонько пожал ладошку и спросил без улыбки:

– Что говорят?

– Хвалят, – перестав улыбаться, с таким же серьезным видом ответила девушка Клавдия.

– Тогда ладно, – разрешил он, продолжая удерживать ее ладошку в своей руке.

– Клавочка, – поспешила вмешаться бабушка Настя, зная наперед, что от внука можно ожидать любой реплики, и стараясь предупредить эту самую реплику и его возможную реакцию. – Ты ведь из города, с электрички. Голодная наверняка. Мы оставили тебе ужин и пирога кусок. Садись, детка, за стол, сейчас быстро все подогреем.

– Так вы что, дочь Ларисы? – сообразил тут Марк.

– Да, – снова заулыбалась девушка.

– Так она же совсем молодая, – подивился младший Светлов, тут же взглянув на женщину, о которой говорил, и спросил: – Лариса, вам сколько лет-то?

– Я предупреждала, – извинилась за внука бабуля, – Марк совершенно не признает никаких условностей, в лучшем случае он может промолчать.

– Сейчас, по всей видимости, худший случай, – заметила девушка Клава и рассмеялась.

– Мне сорок три года, Марк, – улыбнувшись, ответила ему Лариса, мать, как выяснилось девушки Клавдии.

– Совершенно не похоже ни на какие сорок три, – возразил он.

– Скорее всего, – веселилась ее дочь, – это не комплимент, мам, а констатация факта.

– Совершенно верно – подтвердил Марк.

Бабуля принесла подогретый для Клавдии ужин, все расселись за столом в новом порядке, пили чай, а Марк, вроде как невзначай, поднялся из-за стола, постоял какое-то непродолжительное время, привалившись плечом к стене, якобы устав сидеть, и, улучив минутку, когда, гости и хозяева, увлеченные рассказом Валентина Романовича, не обращали на него внимания, тихонько покинул веранду.

Еще до прихода девушки Клавдии он почувствовал наступление особого состояния, предшествующее, как правило, очередному приступу – такая, как бы сказать, предболезненная маета, что ли – еще не боль, но уже тяжесть, словно голову давит одновременно снаружи и изнутри и ломит в висках.

Он так устал. Так бесконечно, смертельно устал от этой пыточной, ужасной боли, сводящей с ума, лишаящей его личности, индивидуальности, ломающей силу воли и духа, унизительно размазывающей его тело.

Марк испробовал разные методики по контролю над болью, рекомендованные серьезными специалистами, но для того, чтобы начать контролировать боль, надо было иметь хоть небольшую передышку от нее и ясное сознание, но передышки не было, а все силы его были направлены на то, чтобы не дать свести себя с ума и превратить в воющее, извивающееся, беспомощное тело, выстоять, победить и выдержать очередной приступ.

Он не помнил сколько прошло времени с того момента, когда он незаметно вышел во двор через заднюю дверь и ходил, ходил там по протоптанной тропинке вдоль забора, между кустами смородины и грядками до того момента, когда вдруг чуть не налетел на девушку Клаву, каким-то образом оказавшуюся у него на пути.

– У вас голова болит? – спросила она тихим, осторожным голосом.

– Болит, – признался Марк.

– Идемте, – решительно распорядилась она и протянула ему руку. – Я попробую вам помочь.

– Это вряд ли, лекарства не способны с этим справиться, – предупредил Марк, решив, что она хочет предложить ему что-то из народной медицины.

– Я знаю, мне сказала ваша бабушка. В общих чертах она объяснила суть вашего заболевания.

– Зачем? – поинтересовался Марк.

– Потому что я ее спросила, – растолковала девушка, так и продолжавшая протягивать руку к нему, и повторила приглашение: – Раз все равно ничем нельзя успокоить ваше состояние, вы ничего не теряете, если попробуете то, что я хочу вам предложить.

– Нет, не теряю, – согласился Марк, но предупредил: – Когда боль становится совсем...: – Он запнулся, не зная, какое дать определение: –... тяжелой, это не очень красивая, скорее даже физиологически отталкивающая картина. Всякое бывает.

– Ничего. Я не стану вас конфузить. И если у нас не получится вам помочь, мы прекратим эксперимент до того, как все станет... совсем физиологичным, – пообещала она и третий раз настойчиво тряхнула рукой.

И Марк, изучив взглядом эту тонкую девичью ручку еще какое-то непродолжительное время, все же принял предложение и, осторожно, словно сомневаясь, взял ее ладошку.

– Пошли, – тут же распорядилась девушка.

Доверившись ей, он не стал тратить силы на контроль за происходящим и не обращал внимания, куда они идут, сосредоточившись исключительно на том, чтобы не поддаваться все

нарастающей с каждой минутой боли, накатывающей то волнами, то одним сплошным потоком.

Она усадила его на пассажирское место в автомобиль, потом они не так чтобы быстро куда-то ехали, а вскоре покатались совсем медленно, преодолевая ухабы, – машина перекашивалась с боку на бок, как баркас в шторм, и их обоих мотыляло из стороны в сторону и вперед-назад, как консервы в незаполненной банке, и эти тряски лишь распаляли боль в его многострадальной голове.

Но длилась эта пытка недолго, и вскоре остановился. Девушка выскочила из машины, открыла багажник, возилась там с чем-то, шумно шуршала какими-то вещами и пакетами, при этом успокаивая его торопливой скороговоркой:

– Я сейчас только возьму тут кое-что, и пойдем. Тут совсем не далеко. Рядом.

Громко хлопнул, закрываясь, багажник, девушка ойкнула, извинилась, распахнула дверцу с пассажирской стороны, взяла его под локоть и потащила.

– Идемте, Марк, тут немного осталось пройти.

Он выбрался из автомобиля, посмотрел на нее изучающе, думая, во что он дал себя втянуть этой энергичной не в меру Клавдии, но все же повиновался ее настойчивому требованию и пошел, увлекаемый девушкой, которая так и продолжала держать его за локоть.

Далеко это или нет, Марк не понял, поскольку старался ни о чем не думать, не подвергать анализу слова и обстоятельства, а делал лишь, как она говорит, раз уж доверился ей, и внимательно смотрел под ноги. Они прошли сколько-то вверх по пологой горке, потом по прямой тоже сколько-то, бог знает, потом перелезли через бревно, продрались сквозь колючий кустарник, сделали еще несколько шагов веред, когда она заявила с явным облегчением:

– Всё, пришли! Пойдите чуть-чуть, я сейчас...

Девушка чем-то пошуршала сбоку от него, снова прихватила его за локоть и потянула за собой.

– Сюда проходите и садитесь, – указала она на расстеленный у края обрыва поролоновый коврик.

Он сел, куда она ему указала, и вопросительно посмотрел на сосредоточенную на какой-то своей задумке девушку. Она села рядом с ним, повозилась, устраиваясь поудобней, и спросила заботливо:

– Вы как?

– Терпимо, – прислушавшись к себе, ответил Марк. – Пока в четком сознании.

– Марк, – совсем иным, каким-то внезапно проникновенным голосом обратилась Клавдия к нему и прихватила двумя своими тонкими ладошками его большую, крепкую ладонь. – Вы, пожалуйста, слушайте меня и постарайтесь делать то, что я вам скажу. Ладно?

– Ладно, – пообещал он.

– Закройте глаза, – велела она.

Он послушно прикрыл веки, чувствуя, как немного дрожат ее чуть прохладные ладошки, видимо, от нервного напряжения.

– А теперь постарайтесь по возможности расслабиться и хоть немного отвлечься от своей боли.

Марк честно попробовал исполнить то, о чем она просила, со всем тщанием, на какое сейчас был способен, но предательская боль все нарастала и нарастала, хотя он все же попробовал ее преодолеть.

– Дышите медленно, размеренно, спокойно. Вот так: вдо-о-ох, на десять счетов, непродолжительная задержка дыхания и долгий выдох. Вдо-о-ох и вы-ы-ыдох, – повторяла и повторяла она счет, под который он мерно дышал, словно читала колдовское заклинание, а он слушался и дышал под ритм, задаваемый ее голосом: – А сейчас вы повернете голову в сторону реки и, когда я скажу, откроете глаза и не будете ни о чем думать. Вообще ни о чем, – загово-

рила она вдруг совсем уж чарующим, тихим, низким, с еле уловимой хрипотцой, но четким голосом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.